

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.12)''19''+058.56

DOI 10.26456/vthistory/2025.1.130–140

«Случайные революционеры» среди политических ссыльных в начале XX в. (На примере Вологодской губернии) ¹

П.В. Тихомиров

АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается отношение политических ссыльных к «случайным революционерам», таким же сосланным «государственным преступникам», не вовлеченным, в отличие от первых, в политическое движение. «Сознательные» революционеры приписывали их влиянию деморализацию, деполитизацию и криминализацию групп ссыльных. Вместе с тем «случайные революционеры», будучи исключенными из общества, могли восприниматься как объект революционного влияния. Автор показывает, что самоорганизация политических ссыльных предполагала также и возможность «случайным революционерам» приобщиться к революционной культуре, получив доступ к важным ресурсам. Многие оформившиеся практики внутри организаций политических ссыльных были отчасти следствием борьбы со «случайными революционерами».

Ключевые слова: случайные революционеры, политическая ссылка, деполитизация.

Политический ссыльный социалист-революционер А.М. Губанов, отбывавший наказание в Никольском уезде Вологодской губернии, характеризуя состояние дел, писал в январе 1909 г.: «Среди сосланных есть много “случайных” людей и “темных” личностей. Бывший борец (из случайных) превращается в ходячую апатию и не в состоянии заниматься ни наукой, ни даже чтением газет. Они насаждают разврат, проституцию, пьянство. Мои товарищи дерутся между собою из-за проституток. Скандалы и битьё обывательских окон – это обычное явление»².

¹ Научный руководитель – док. ист. наук, профессор АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН Б.И. Колоницкий.

² Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213. Л. 57.

В письмах и воспоминаниях ссыльные социалисты довольно часто обращались к теме «случайных революционеров», подразумевая под этим собирательным образом всех тех сосланных «государственных преступников», которые не были близки к революционной культуре и традиции и практически не имели опыта участия в политической борьбе. Государственное преступление, за которое виновные подвергались ссылке, понималось сравнительно широко. К таковым относили не только составление и распространение письменных и печатных сочинений или изображений, но и устные оскорбления, порочащие честь членов императорского дома³. «Если и попадают некоторые в качестве обвиняемых в государственном преступлении, то последние большей частью совершают в пьяном, бессознательном состоянии в силу крайнего своего невежества, без всякого злого умысла», – подчеркивали сотрудники Вологодского губернского жандармского управления (ВГЖУ) ещё в 1899 г.⁴

В революционной культуре политическая ссылка была предметом героизации движения. В беллетристике и воспоминаниях рубежа XIX–XX в., как показывает М. Могильнер, ссылка демонстрировала способность революционеров преодолевать трудности, связанные как с суровой природой, так и с произволом государства⁵. В последующем этот канон описания повлиял и на историографию истории революции⁶. Из неё оказались вытеснены те политические ссыльные, кто не соответствовал подобному канону, хотя они, очевидно, оказали влияние на революционную культуру.

Тема «ложных идентичностей» стала самостоятельным предметом изучения. Многие исследования фокусируются на первых десятилетиях советской истории, когда, по мнению авторов, отдельному человеку приходилось «пересоздавать» себя, находить в себе личность, подходящую для послереволюционного общества⁷. Впрочем, «случайные революционеры» появились задолго до революции 1917 г. и создания советского государства. Историки уже отмечали, что многие «уличные хулиганы», а то и «криминальные аван-

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X – XX веков. М., 1988. Том 6. С. 174–309; Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб., 1903. С. 53–54.

⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 335. Л. 54.

⁵ Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 168.

⁶ См. рец.: Могильнер М.: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). Москва: РОССПЭН, 2000. 399 с.): *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 438.

⁷ Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 11–40, 301–319; Fitzpatrick S. Making a Self for the Times: Impersonation and Imposture in 20th-Century Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2. № 3. P. 469–487.

тюристы» активно включались в революционное движение, особенно начиная с 1905 г.⁸ История взаимоотношений между революционерами и «случайными революционерами» остаётся, однако, за рамками внимания. Между тем в политической ссылке соседствовали революционеры, отправленные отбывать наказание за участие в радикальных организациях (в том числе – террористических), и не имевшие никаких представлений о подпольной деятельности «государственные преступники», обвинённые в «устной пропаганде», нередко – «без всякого злого умысла». Все они, с точки зрения юрисдикции, были политическими ссыльными, однако их опыт, привычки и цели, очевидно, заметно отличались. «Спросите вы любого крестьянина-ссыльного, за что его выслали, – писал вологодский публицист И. Серов, – и он ответит, что нагрубил уряднику, а тот донёс куда следует; и в результате он политический преступник и, как таковой, просидел несколько месяцев в тюрьме, а затем попал в ссылку»⁹.

Соседство «случайных революционеров» и «настоящих» было следствием как особенностей формирования революционной культуры, культуры криминальной, так и пенитенциарной системы империи. В статье история вологодской ссылки рассматривается не как исключительный, а скорее как типичный случай. Так, историки сибирской ссылки указывали на наличие среди политических ссыльных «случайных элементов»¹⁰.

Среди ссыльных были уголовные и политические, а среди политических – «настоящие» и «случайные» революционеры. Строгой границы между двумя категориями не было. Крайне непросто определить, кто из политических ссыльных был «случайным» революционером, а кто – «настоящим» борцом. Ключевое значение имела не причина высылки, а поведение ссыльного – насколько оно соответствовало «статусу революционера».

«Случайные революционеры» не самоназвание, а дискредитирующий термин, которым «настоящие революционеры» обличали тех, кто не имел стойких политических убеждений, достаточного политического опыта и представлений о революционной культуре. Одна из характеристик, приписываемых когорте «случайных революционеров», состояла в их неграмотности. Следовательно, каких-либо письменных свидетельств со стороны «случайных революционеров» не могло сохраниться, за них говорили «настоящие революционеры» и «государство». Описывая «случайных революционеров», политические ссыльные не скупились на обвинения их в ухудшении отношений с местным населением и в деморализации ссылки.

Один из мемуаристов, П. Кочетов, вспоминал, что, «продолжая заниматься и в местах ссылки воровством, пьянством и дебошами, эта братия

⁸ Pujals S. The Accidental Revolutionary in the Russian Revolution: Impersonation, Criminality and Revolutionary Mythology in the Early Soviet Period, 1905–1935 // *Revolutionary Russia*. 2009. Vol. 22. № 2. P. 181–201 (особо см.: P. 181–182).

⁹ Серов И. Вологодская ссылка // *Вестник знания*. 1909. № 8–9. С. 231.

¹⁰ См.: Хазиахметов Э.Ш. Большевики в Нарымском крае. Новосибирск, 1967. С. 43–44; Он же. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск, 1978. С. 34.

бросала тень и на всю ссылку, так как не стеснялась называть себя политическими перед местным населением»¹¹. Почему политическим ссыльным было так важно сохранять репутацию в глазах местных жителей?

Неблагополучное материальное положение делало многих из них зависимыми от местного населения. Прибывая в место ссылки, поднадзорные сразу сталкивались с необходимостью поиска жилья, съём которого находился в прямой зависимости от отношения к ним потенциальных арендодателей. Мемуарист вспоминал, что в день приезда группы ссыльных в 1906 г. местный протопоп стал проповедовать, что иметь какое-либо сношение с людьми, не признающими царя и отрицающими бытие бога, – тяжкий грех. В результате проповеди местные жители не решались сдавать ссыльным квартиру, и они несколько дней жили в полицейском участке. «Несколько недель при проходе ссыльных по улице, – продолжал Кочетов, – на них смотрели не иначе, как из-за занавески. С течением времени население присмотрелось к ссыльным, и квартиры сдавали охотно»¹². Необычное соседство могло удивить и напугать местных жителей; политическим ссыльным предстояло доказать, что они не низвергатели царя и бога, а ведущие борьбу за народные права и свободы революционеры.

Другая проблема состояла в том, что размер пособий не мог удовлетворить потребности поднадзорных. В источниках и исследованиях приводятся разные цифры размера пособий – от 2 руб. 50 коп. в месяц до 11 руб. (Разница связана с тем, что размер пособий мог быть разным в разных уездах; со временем сумма выдаваемых средств повышалась, к тому же она зависела и от сословного положения поднадзорного – представители «привилегированных сословий» получали больше¹³). Не все ссыльные, однако, могли рассчитывать на средства, выдаваемые местной администрацией. Согласно «Положению о полицейском надзоре», ссыльные, «уклоняющиеся от занятий по лености, дурному поведению или привычке к праздности, лишаются права на получение пособия от казны»¹⁴. Столь размытая формулировка давала местной администрации право на расширительную трактовку. Существовавшие проблемы финансирования ГЖУ влияли на увеличение числа ссыльных, не получавших никаких средств¹⁵. Впрочем, как писал устьсыольский ссыльный, «прожить здесь на 8 руб. 30 коп., которые вы-

¹¹ Кочетов П. Вологодская ссылка 1907–1910 // Каторга и ссылка. 1932. № 4. С. 82.

¹² Кочетов П. Указ. соч. С. 81.

¹³ Быстров В. Роль и значение политических ссыльных в общественной жизни Вологодского края, в частности в 1905 году // 1905. Сборник статей о революционном движении 1905–1907 гг. в Вологодской губернии / Под ред. В.Н. Новосельского. Вологда, 1925. С. 44; Серов И. Указ. соч. С. 230.

¹⁴ Высочайше утвержденное Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье. Т. 2: 1882. СПб., 1886. С. 87.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 107. Л. 1–1 об.

дают здесь, совершенно невозможно, да и на 11 руб., пожалуй, не проживёшь»¹⁶. (Для сравнения: низкоквалифицированные работники (среди которых было немало подростков) получали – в разных местах – от 8 до 20 рублей в месяц¹⁷.) Многие к тому же не могли положиться на помощь извне – со стороны родственников, друзей, однопартийцев. При благоприятном раскладе политические ссыльные могли рассчитывать на снижение цен на арендуемое жильё, скидки на местных рынках, а то и на оказание материальной поддержки.

«Тёмные личности, авантюристы, конокрады, даже сутенеры»¹⁸ не могли найти источник заработка и, находясь вдали от родных мест, не отказывались от прежних привычек. Будучи такими же «политическими преступниками», они негативно влияли на представления местных жителей о политических ссыльных. Некоторые из «случайных революционеров» пользовались революционной риторикой для вымогательств и ограблений¹⁹.

Важное влияние приписывали «случайным революционерам» и на деморализацию (и деполитизацию) ссылки. «Это была случайная революционная публика и даже не революционная с точки зрения нашей. Редко кто из них имел некоторые убеждения революционные, не буду говорить с точки зрения сегодняшнего дня, но захватила его революция», – вспоминал отбывавший ссылку в Вологде и Грязовце Мельников, подводя итог: «Они стали разлагать ссылку»²⁰. Другой поднадзорный, находя язык описания, обратился к популярному после Первой российской революции образу Санина: «Ссыльные пьют, развратничают, заражаются сифилисом, дерутся из-за проституток и доходят до “туруханских бунтов”, заключавшихся в повальном насилии над женщинами и старухами в пьяном виде. Эти современные язвы могут действовать двояким образом: 1) закалять, укреплять в борьбе, 2) ослаблять веру в борьбу, в дело и обращать борца в Санина», – писал А.М. Губанов²¹. Книга М. Арцыбашева «Санин», опубликованная в 1907 г., по-новому представляла фигуру революционера. Автор одним из первых подверг разрушению сложившийся и уже ставший устойчивым образ революционера как носителя вечных ценностей и обладателя цельной судьбы. Владимир Санин – революционер, который последовательно и сознательно снижал значение моральных

¹⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213. Л. 260.

¹⁷ Вологда в конце XIX – начале XX века (Заметки о населении, городском хозяйстве и быте) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. URL: <https://www.booksite.ru/trade/main/signboard/1.htm> (дата обращения: 14.01.2024).

¹⁸ Зайкевич В. Условия и характер Вологодской ссылки в 1905 году // Северная звезда. 1922. № 4. С. 74.

¹⁹ Коновалов Ф.Я. «Посланный вооружен револьвером...»: (из истории великоустюгской ссылки [1907–1908]) // Великий Устюг: альманах. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 123–131; Он же. Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. Вологда; Молочное, 2006. Ч. 1. С. 133–134.

²⁰ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 506. Оп. 1. Д. 486. Л. 27.

²¹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213. Л. 61.

принципов для дела революции. Книга стала популярной уже в момент выхода, а имя главного героя – нарицательным²². Не всегда, однако, его образ передавался точно – в данном случае Губанов причисляет к «Саниным» «случайных революционеров», которые, по его же замыслу, не были заняты глубокой рефлексией.

Письма и воспоминания ссыльных содержат экспрессивные высказывания в адрес «случайных революционеров», но гораздо меньше они сообщают конкретных подробностей. Многие из мемуаристов подчеркивали, что активное влияние случайных революционеров началось только в 1905–1906 гг.²³, что совпадало и со временем резкого увеличения числа ссыльных: если к 1905 г. в Вологодской губернии насчитывалось до 371 поднадзорного ссыльного, то уже к следующему году – 823, а пик пришёлся на 1908 г. – 4503²⁴. Однако, как можно заметить, «случайные революционеры» появились задолго до этого. Вероятно, когда состав вологодской ссылки был сравнительно малочисленным, две категории политических ссыльных могли игнорировать друг друга. К тому же для многих революционеров год начала Первой революции стал рубежом, породившим разрыв между двумя поколениями социалистов²⁵ – вероятно, именно поэтому мемуаристы стремились настойчиво подчеркнуть разницу между политической ссылкой до и после 1905–1906 гг. Наряду с этим в последовавший за Первой революцией период складывался новый канон и язык описания революционной культуры, а на книжных полках заняла своё место литература, в центре внимания которой расположились нравственные вопросы подпольной борьбы.

Сложившаяся ситуация деполитизации, деморализации и криминализации революционных групп, а также дискредитации категории «политический ссыльный» нуждалась в разрешении.

С одной стороны, «случайные революционеры» были ближе к уголовной, нежели к революционной культуре, что требовало борьбы за сохранение революционной традиции, а, следовательно, и увеличения дистанции между двумя группами ссыльных. С другой стороны, «случайные революционеры» могли рассматриваться как объект влияния «настоящих», поскольку уже были исключены из общества по противогосударственной статье. Последнее основание могло означать, что их проще вовлечь в радикальное движение, нежели основную массу местных рабочих и крестьян. Вопрос заключался только в том, как снять противоречие между необходимостью демаркации внутри ссылки и «исправлением» «случайных революционеров».

²² Могильнер М. Мифология подпольного человека... С. 121–130.

²³ Кочетов П. Указ. соч. С. 77; Быстров В. Роль и значение политических ссыльных в общественной жизни Вологодского края, в частности в 1905 году. 1925; Оглоблин Н.Н. Политические ссыльные на Вычегде // Исторический вестник. 1913. Т. 132. №–6. С. 920.

²⁴ Обзор Вологодской губернии за 1905 год. Вологда, 1906; Обзор Вологодской губернии за 1906 год. Вологда, 1908; Обзор Вологодской губернии за 1907 год. Вологда, 1909; Обзор Вологодской губернии за 1908 год. Вологда, 1909; Быстров В. Указ. соч. С. 43; Михайлов Б.Г. Большевики в вологодской ссылке. Вологда, 1974. С. 25.

²⁵ Pujals S. Op. cit. P. 181.

Ещё до революции 1905–1907 гг. происходил процесс активной самоорганизации политических ссыльных. Они объединялись в партийные группы и вне- и надпартийные организации – колонии ссыльных. Последние были направлены на улучшение материального и культурного положения. Колонии имели кассы взаимопомощи, пополнявшиеся членскими взносами, а также добровольными пожертвованиями местных жителей. Члены колонии учреждали кооперативы или заключали соглашения с местными торговцами, помогали новоприбывшим товарищам в поиске жилья, а отбывшим срок ссылки или сбежавшим из неё выдавали денежные пособия (Эти цели (среди прочих) были названы в первом пункте устава Яренской колонии политических ссыльных, который приводил местный краевед²⁶). Политические ссыльные, находившиеся в наименее благоприятном материальном положении, могли рассчитывать на оказание помощи. При колонии также, как правило, существовала местная библиотека, действовали кружки образования, где ссыльные обучали неграмотных товарищей.

Колонии ссыльных были закрытыми организациями: чтобы вступить в её состав, следовало пройти процедуру одобрения кандидатуры. Ключевым требованием к кандидату в уставе колонии был назван его высокий моральный облик. Устав тотемской колонии политических ссыльных гласил: «Лица[,] замеченные в неблаговидных поступках и вредящие развитию колонии[,] не могут быть членами её»²⁷. Внимание к облику члена колонии стало основанием для учреждения товарищеских судов, на которых разбирались ситуации «некорректного поведения» (Один из пунктов устава Яренской колонии политических ссыльных, основанной в 1906 г., гласил: «Член колонии может быть исключен за упорное неподчинение уставу, а также за вред, причиняемый колонии его поступками, абсолютным большинством при референдуме». Примечание к этому пункту указывало: «Для выяснения поведения товарища собранием районных представителей, до решения вопроса посредством референдума, избирается каждый раз только следственная комиссия из трех лиц»²⁸). По словам вологодского губернатора А.Н. Хвостова, занимавшего эту должность с 1906 по 1910 г., «взаимные судьбища» ссыльных проходили постоянно²⁹ (Похожую мысль озвучил мемуарист Н. Мещеряков в отношении иркутской ссылки накануне Первой мировой войны³⁰). Политических ссыльных, обвиненных в «недостойном поведении», исключали из организации, что означало, во-первых, отстранение от материальных и культурных благ, которыми колонии располагали, а во-вто-

²⁶ Шляпин В.П. Политические ссыльные г. Яренска // Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 138. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 138. № 5. Л. 9.

²⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 99. Л. 50 об.

²⁸ Шляпин В.П. Указ. соч. Л. 10.

²⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 144. Д. 2369. Л. 13 об.

³⁰ Мещеряков Н. Как мы жили в ссылке. Записки старого большевика. М., 1934. С. 73.

рых, подчас и «бойкот» со стороны местных жителей, отказывавшимся сдавать им жильё³¹. Таким образом, колонии политических ссыльных предлагали «случайному революционеру» альтернативу – материальные и культурные ресурсы, для доступа к которым следовало изменить свои привычки и разорвать связи с уголовной средой.

Одна из целей, которую преследовали колонии, состояла в том, чтобы провести демаркацию между двумя группами ссыльных («случайными» и «настоящими», «сознательными»). Члены колонии, по воспоминаниям современника, объясняли местным жителям, что именно они являются представителями «официального органа ссылки», а потому не несут ответственность за поведение не состоявших в колониях поднадзорных ссыльных. В некоторых случаях при съёме жилья местные жители даже начали требовать членский билет и при его отсутствии отказывали в аренде³². Иногда членам колонии удавалось озвучить своё отграничение от «случайных революционеров» на страницах местной прессы. 2 января 1908 г. в ответ на убийство политическими ссыльными местного жителя в редакцию газеты «Север» поступило письмо от осуждавших грабежи и убийство поднадзорных. В письме объяснялось, что преступники не имеют ничего общего с «настоящими революционерами»: «В последнее время в качестве политических ссыльных высылаются люди, имеющие очень мало общего с освободительным движением. В свою среду таковых господ полит[ические] ссыльные не принимают, но вследствие того, что те и другие в глазах общества известны под именем полит[ических] ссыльных, часто поступки, совершаемые этими господами, приписывают всем политическим ссыльным»³³. Появлялись статьи о «шулерах, карманщиках и т. д.», которые направляются, в частности, в Вологодскую ссылку и которых нельзя причислять к «настоящим революционерам», и в столичной левой печати³⁴.

Некоторые мемуаристы полагали, что соседство «случайных революционеров» и «революционеров настоящих» – это следствие решений власти, которая выбрала такой метод борьбы с государственными преступниками³⁵. Сложно сказать, насколько это было сознательным решением. Местные губернаторы, однако, выражали своё недовольство наплывом огромного числа малограмотных рабочих и крестьян (не близких революционной культуре), в ответ предлагая прекратить на время ссылку в губернию. 17 ноября 1903 г. вологодский губернатор А.А. Лодыженский (1902–1906), обращаясь в Земский отдел Министерства внутренних дел, отмечал, что ссыльные крестьяне с большим трудом могли найти источник заработка ввиду низкой квалификации, высокой конкуренции со стороны местных ремесленников и ра-

³¹ Кочетов П. Указ. соч. С. 86.

³² Кочетов П. Указ. соч. С. 82, 86.

³³ Комитет колонии. Письмо в редакцию // Север. 1908. 6 января. №148. С. 3.

³⁴ Выборгский Г. Ответ на «страничку из жизни ссыльных» // Правда. 1913. 19 февраля. №39. С. 4.

³⁵ См.: Кочетов П. Указ. соч. С. 77.

бочих, а также крайне недоверчивого к ним отношения со стороны коренного населения. «При таком положении дела, – продолжал Лодыженский, – большинство ссыльных, не имея иных средств, или прибегает к благотворительности местных жителей, или возвращается к прежнему порочному образу жизни, или же скрывается из мест водворения с целью найти себе заработка в других губерниях»³⁶.

Так или иначе, пенитенциарная политика империи ставила в один ряд деятелей радикальных партий и «хулиганов», однократно оскорбивших царскую фамилию. У ссыльных революционеров было несколько стратегий взаимоотношений со «случайными революционерами» – от отстранения и демаркации до вовлечения в революционное движение.

Созданные ссыльными колонии, как и иные организации, предполагали контроль деятельности своих членов – по крайней мере, они не допускали проступков, которые легли бы пятном на репутацию группы. Организованная часть ссылки маркировала себя как «настоящих» политических ссыльных, которые обязаны соблюдать самодисциплину, нести ответственность за репутацию своей группы, тем самым дистанцируясь от уголовных преступников и «случайных революционеров», сблизившихся с последними. Присутствие «случайных революционеров» требовало более строгого отношения к самим себе и своим товарищам.

Вместе с тем организованные группы, доступ в которые не зависел ни от партийного членства, ни от сословной принадлежности, но зависел от личных качеств и облика потенциального члена, обладали важными материальными и культурными ресурсами. Тем самым они позволяли привлечь на сторону революционного движения ссыльных, мало знакомых с революционными традициями, но готовых порвать с криминальной культурой. Членство в колонии политических ссыльных было также и свидетельством принадлежности к «высокой» культуре подполья. Самоорганизация, насколько она была возможна в условиях полицейского и жандармского надзора, позволяла одновременно и проводить демаркационную черту (революционер – «случайный революционер»), и стать инструментом вовлечения последних в революционное движение.

Далеким от революционной борьбы, партийного строительства и не имевшим устойчивых политических взглядов, многие «случайные революционеры» отчасти деполитизировали политическую ссылку. Находясь в местах ссылки, многие революционеры не были готовы к столь неожиданной встрече и уж тем более – к уголовной и «полууголовной атмосфере». «Случайные революционеры» между тем снижали авторитет политических ссыльных, который те едва успевали заработать в глазах коренного населения. Все это влияло и на материальные условия, и на возможности революционной пропаганды. Сложившаяся ситуация могла разрешиться только присвоением статуса «политического ссыльного» за определённым числом

³⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. 1903 г. Д. 51. Л. 19–20.

ссылных, что, в свою очередь, было возможным только в случае организации внепартийных колоний. Иными словами, ещё один след «случайных революционеров» в истории политической ссылки состоит в том, что они оказались одним (но не единственным) фактором стремления к снятию партийной демаркации внутри революционных групп.

Список литературы:

1. Быстров В. Роль и значение политических ссылных в общественной жизни Вологодского края, в частности в 1905 году // 1905. Сборник статей о революционном движении 1905–1907 гг. в Вологодской губернии. Под ред. В. Н. Новосельского. Вологда: Издание вологодского Истпарта, 1925. С. 40–76.
2. Коновалов Ф.Я. Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. Ч. 1. Вологда; Молочное. 2006. С. 133–134.
3. Коновалов Ф.Я. «Посланный вооружен револьвером...»: (из истории великоустюгской ссылки [1907–1908]) // Великий Устюг: альманах. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 123–131.
4. Михайлов Б.Г. Большевики в вологодской ссылке. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1974. – 51 с.
5. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микроскоп в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 208 с.
6. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 373 с.
7. Хазиахметов Э.Ш. Большевики в Нарымском крае. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1967. – 187 с.
8. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905 – 1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск: Издательство Томского университета, 1978. – 183 с.
9. Fitzpatrick S. Making a Self for the Times: Impersonation and Imposture in 20th-Century Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. №3. P. 469–487.
10. Pujals S. The Accidental Revolutionary in the Russian Revolution: Impersonation, Criminality and Revolutionary Mythology in the Early Soviet Period, 1905–1935 // Revolutionary Russia. 2009. Vol. 22. №2. P. 181–201.

Об авторе:

ТИХОМИРОВ Павел Владимирович – аспирант, Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге» (191187, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1А); e-mail: ptikhomirov@eu.spb.ru

«Accidental Revolutionaries» Among Political Exiles in the Early 20th Century (the Case of Vologda Province)

P.V. Tikhomirov

European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

The article examines the attitude of political exiles to «accidental revolutionaries». They were the same «state criminals», but were not involved in the political movement. «Conscious» revolutionaries perceived them as the cause of demoralization, depoliticization and criminalization of groups of exiles. At the same time, «accidental revolutionaries» were excluded from society and could be perceived by revolutionaries as an object of influence. The author shows that the self-organization of political exiles also implied the possibility for «accidental revolutionaries» to join revolutionary culture and gain access to important resources. Many of the practices that emerged within political exile organizations were partly a consequence of the struggle against «accidental revolutionaries».

Keywords: *accidental revolutionaries, political exile, depoliticization.*

About the author:

TIKHOMIROV Pavel Vladimirovich – Graduate Student, European University in St. Petersburg (St. Petersburg, Gagarinskaya Street, house 6/1A); e-mail: ptikhomirov@eu.spb.ru

References

- Bystrov V. *Rol' i znachenie politicheskikh ssyl'nyh v obshchestvennoj zhizni Vologodskogo kraja, v chastnosti v 1905 godu*, 1905. Sbornik statej o revolyucionnom dvizhenii 1905–1907 gg. v Vologodskoj gubernii, Pod red. V.N. Novosel'skogo, Vologda, Izdanie vologodskogo Istparta, 1925, S. 40–76.
- Fitzpatrick S., *Sryvajte maski!: Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka*, M., Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2011. – 373 s.
- Khaziahmetov E.S., *Bol'sheviki v Narymskom krae*, Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. – 187 s.
- Khaziahmetov E.S., *Sibirskaya politicheskaya ssylka 1905–1917 gg. (oblik, organizacii, revolyucionnye svyazi)*, Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1978. – 183 s.
- Kononov F.Ya., *Effektivnost' administrativnoj ssylki kak mery nakazaniya v nachale XX veka (po materialam Vologodskoj gubernii)*, Evropejskij Sever Rossii: tradiciya i modernizacionnye process, Ch. 1, Vologda, Molochnoe, 2006, S. 133–134.
- Kononov F.Y., *«Poslannyj vooruzhen revol'verom...»: (iz istorii velikoustyugskoj ssylki [1907–1908])*, Velikij Ustyug: al'manah, Vologda, 1995, Vyp. 1, S. 123–131.
- Mihajlov B.G., *Bol'sheviki v vologodskoj ssylke*, Vologda, Vologodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1974. – 51 s.
- Mogil'ner M., *Mifologiya «podpol'nogo cheloveka»: radikal'nyj mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. – 208 s.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.